

ГІСТОРЫЯ HISTORY

УДК 930.1:327.82(091)
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-3-283-292>

Поступила в редакцию 17.12.2020
Received 17.12.2020

Д. В. Мазарчук

Институт подготовки научных кадров Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

«НОВАЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ»: СТАНОВЛЕНИЕ, НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. Дана характеристика основных методологических принципов направления изучения истории дипломатии – «новой дипломатической истории». Предпосылкой для формирования данного направления в историографии стал переход от телеологического и государство-центричного восприятия истории к акторо-центризму (применительно к истории дипломатии).

Раскрыты основные этапы развития «новой дипломатической истории». Рассмотрены содержательные аспекты критики «классического» подхода к истории европейской дипломатии и процесса возникновения постоянного дипломатического представительства. В целом современные учёные склоняются к проблематичности выделения точных критериев постоянного характера дипломатического представительства в раннее Новое время.

Приведены примеры исследований различных аспектов дипломатической истории в рамках «новой дипломатической истории». На передний план в тематике исследований представителей данного направления выходят социально-культурные аспекты деятельности дипломата эпохи Нового времени. В связи с этим внимание учёных распространено на такие темы, как символический язык дипломатии, роль искусства, повседневность в работе дипломата, неформальные каналы дипломатии, рефлексия дипломатов.

Дана характеристика новых базовых источников для изучения истории дипломатии Нового времени. Современные историки уделяют большое внимание персонализированным группам источников, таким как личная переписка и воспоминания дипломатов.

Ключевые слова: историография, история дипломатии, «новая дипломатическая история», Новое время, дипломат, посол

Для цитирования: Мазарчук, Д. В. «Новая дипломатическая история»: становление, направления исследования и перспективы развития / Д. В. Мазарчук // Вест. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2021. – Т. 66, № 3. – С. 283–292. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-3-283-292>

Dmitry V. Mazarchuk

Graduate School of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

NEW DIPLOMATIC HISTORY: FORMATION, RESEARCH DIRECTIONS AND PERSPECTIVES

Abstract. The paper analyses the main methodological principles of the direction in studying the history of diplomacy – New diplomatic history. The precondition for the formation of this historiographical trend was the transition from a teleological and state-centered perception of history to actor-centrism (as applied to the history of diplomacy).

The main stages of development of the New diplomatic history are revealed. The substantive aspects of criticism of the classical approach to the history of European diplomacy and the process of the emergence of a permanent embassies mission are considered. In general, modern scholars are inclined to the problematic nature of identifying precise criteria for the permanent nature of diplomatic representation in the Early Modern period.

Examples of studies of various aspects of diplomatic history within the framework of the New diplomatic history are given. The socio-cultural aspects of the activities of a diplomat of the Modern period come to the fore in the research topics of representatives of this direction. In this regard, the attention of scientists is extended to such topics as the symbolic language of diplomacy, the role of art, everyday life in the work of a diplomat, informal channels of diplomacy, reflection of diplomats.

The characteristics of new basic sources for the study of the history of diplomacy in the Modern period are given. Modern historians pay great attention to personalized groups of sources, such as personal correspondence and memoirs of diplomats.

Keywords: historiography, the history of diplomacy, New diplomatic history, Modern time, diplomat, ambassador

For citation: Mazarchuk D. V. New diplomatic history: formation, research directions and perspectives. *Vestsi Natsyonal'най akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2021, vol. 66, no. 3, pp. 283–292 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2021-66-3-283-292>

Введение. История дипломатии (дипломатическая история) является одной из динамично развивающихся областей исторической науки. Знание истоков современных механизмов урегулирования противоречий и форм коммуникации между субъектами международных отношений имеет не только практическое, но и эпистемологическое значение. Вместе с тем существует мнение, что «история дипломатии... сдаёт свои позиции в историческом цехе другим направлениям и областям исследования» [1, с. 65]. В настоящей статье мы ставим цель показать существующие пути обновления истории дипломатии, которые предпринимаются в рамках подхода «новой дипломатической истории».

Становление этого нового направления связано с участвовавшими в последние два десятилетия призывами к обновлению методологии и теоретических оснований при исследовании истории дипломатии. Сам термин «новая дипломатическая история», утвердившийся благодаря североамериканскому историку Джону Уоткинсу [2], указывает как на необходимость пересмотра ряда устоявшихся тезисов в историографии истории европейской дипломатии, так и на обновление подходов, углубление источниковой базы, расширение субдисциплинарных границ дипломатической истории Нового времени.

Магистральным направлением обновления в исследованиях начала XXI в. является активное заимствование исследовательских практик социальной, интеллектуальной и культурной истории. На смену сконцентрированной на государствах и линейной картине истории дипломатии приходит понимание последней как социального пространства («поля» по П. Бурдьё), плотно заполненного отношениями, осуществлявшимися в соответствии с определённым «кодом». В своих работах представители «новой дипломатической истории» делают упор на творческом потенциале индивидуальных участников этих отношений. Неслучайно некоторые её представители подчёркивают, что на смену государство-центризму в изучении истории дипломатии приходит акторо-центризм [3; 4, с. 444–445].

Не ставя целью дать полный обзор историографии «новой дипломатической истории», мы полагаем необходимым продемонстрировать те возможности, которые открылись перед исследователями истории дипломатии в свете новых методологических установок. Подробное знакомство с подходами представителей «новой дипломатической истории» тем более значимо в условиях расширения проблемного поля отечественных исследований в области истории международных отношений [5, с. 178].

Основная часть. Становление нового подхода началось с пересмотра устоявшихся взглядов на проблему, традиционно считавшуюся центральной для историков дипломатии эпохи Нового времени. Речь идёт о поиске истоков современной дипломатии, основными характерными признаками которой, отличающими её от средневековой, являются постоянный характер дипломатического представительства, профессионализация данной деятельности, её секулярный характер [6, с. 35].

В классическом виде концепция генезиса современной дипломатии была изложена в изданной в 1955 г. книге Г. Мэттингли [7; см. также: 8; 9]. Эпоху Возрождения (условно между 1420 и 1530 гг.) историк расценивал как переломную в истории западноевропейской дипломатии. Согласно его концепции, ренессансная дипломатия являлась итальянским «изобретением», затем заимствованным другими странами – Францией, Испанией, позднее – Англией, Священной Римской империей и т. д. При этом основным содержанием преобразований в сфере дипломатии было появление постоянных дипломатических миссий (*resident embassies*).

Стремление к пересмотру концепции Мэттингли фактически знаменовало переход от «классического» этапа в историографии истории дипломатии к «новой дипломатической истории». При этом оспаривались практически все ключевые идеи английского историка.

Во-первых, подвергся критике его тезис о росте профессионализации дипломатической деятельности и распространении института постоянного представительства как главных составляющих перехода к современной (нововременной, *modern*) модели дипломатии. По мнению историков нового поколения, распространение института постоянных дипломатических представителей в некоторых итальянских государствах XV в. не изменило практики использования неформальных каналов внешних сношений, прежде всего торгово-финансовых сетей республиканских олигархий. В общеевропейском контексте практика обмена постоянными дипломатическими представителями вплоть до XVIII в. не являлась общепринятой. Например, власти Венеции предпочитали направлять специальных послов с относительно коротким сроком полномочий. В глобальном масштабе практика направления постоянных послов в период Нового времени даже может быть оценена как «аномалия» [4, с. 448; 10, с. 218–226; 11, с. 31–48].

Кроме того, заочная дискуссия двух итальянских исследователей, Р. Фубини и В. Иларди, показала проблематичность точных критериев постоянного характера дипломатического представительства в раннее Новое время [12, с. 1–18; 13, с. 27–35].

Во-вторых, был оспорен тезис о секулярном характере внешней политики и дипломатии Нового времени, отличающем её от средневековой. Согласно Б. Вейлеру, идея *res publica Christiana* выросла из многочисленных призывов к христианам прекратить взаимное истребление и поднять оружие против неверных. В период османской экспансии произошло возрождение этой идеи. Вместе с тем «христианский мир» всегда был риторическим оборотом, исходившим от папы либо какого-либо иного авторитета. В конкретных случаях его применения следует искать конкретные цели, стоявшие перед тем, кто выдвигал и использовал этот лозунг [14].

Наконец, в-третьих, многие исследователи задались вопросом: насколько сложившаяся в XVI, XVII или XVIII вв. модель дипломатии соответствует современным образцам, является ли она типологически более близкой нашему времени, нежели Средневековью? Так, в статье Даниэлы Фриго показано, что в небольших итальянских государствах Нового времени дипломатическая деятельность сопутствовала иным политическим обязанностям. Дипломаты этих государств по своим функциям оказываются сравнимы со средневековыми прокураторами (*procuratores*), но не постоянными послами, как они представлены в «классической» концепции [15]. В целом, для Нового времени характерна, по меньшей мере, незавершённость процесса институционализации дипломатической деятельности [16, с. 26–28].

Критика «классической» концепции осуществлялась на эмпирическом материале. Накопившаяся к началу XXI в. «критическая масса» исследований историков разных стран позволила им перейти к саморефлексии и, как следствие, к теоретическим обобщениям. Добавим, что пересмотр периодизации дипломатической истории шёл параллельно с ревизией периодизации истории международных отношений. В последнем случае общий для этих двух близких субдисциплин акцент на отказ от телеологизма породил тенденцию к пересмотру «пограничной» роли Вестфальского мира 1648 г. [17 (первое издание – 2003 г.)].

Отмена знака равенства между «резидентными послами» и «современной дипломатией» сняла некоторую методологическую предзаданность историков дипломатии, придав импульс к появлению множества новых исследований. В частности, отвлечённые от необходимости вести поиск «истоков» и «корней», исследователи обратились к изучению дипломатов *per se*. Появились работы в русле таких направлений, как история частной жизни, история эмоций, антропология публичного пространства. Признаком нового в историографии стал интерес к внутреннему опыту дипломатов, осмыслению ими своей профессии, отражению их опыта в частном и публичном дискурсе [18].

Примером такого подхода является исследование Хейдрун Кугелер, посвящённое истории западноевропейской дипломатии в столетие, последовавшее за Вестфальским миром, с точки зрения столкновения дискурсов, идей и «кодов» [19]. В основе авторского междисциплинарного подхода, совмещающего интеллектуальную, культурную и политико-административную историю, лежит понимание дипломатической теории как «языка». Существовая в определённом интеллектуальном и социокультурном контексте, этот «язык» отражает множество практик, норм, обыкновений, сложившихся в процессе осуществления дипломатами их деятельности.

Кугелер изучила механизм перевода таких «кодов» в теоретическую плоскость. Этапом такого перевода является формирующаяся общая дипломатическая культура. Её проявления – международное право, дипломатический церемониал и политическая теория. Завершающим этапом процесса теоретизации дипломатических практик являются трактаты о том, каким должен быть «идеальный посол», а также мемуары дипломатов. Помимо последних важнейшим источником для исследования Кугелер стала переписка дипломатических работников Франции, Британии, Священной Римской империи и других европейских стран, отражающая собственный опыт дипломатов и их мысли по поводу своей деятельности.

Интерес к актору как объекту исследования стал ключевой особенностью «новой дипломатической истории», фиксируя «фокус на собственном опыте дипломатов и их мыслях о своей деятельности» [4, с. 441]. В этом направлении уже выполнено множество интересных исследований, появление которых отражает более широкую тенденцию.

Одной из причин, возможно главной, пересмотра истории генезиса дипломатии Нового времени явился кризис национального государства как базового субъекта мировой политики и гражданско-политической сферы [20, с. 106-189]. В новейшей историографии понятие «государство» стало восприниматься как излишне ограниченное, не учитывающее всей динамики политической жизни, в частности, практики многообразных связей (личных, семейных и родственных, династических), сводивших воедино интересы различных субъектов. Современными исследователями постулируется, что институт публичной власти в Новое время не был монолитом, представляя собой не просто сложную совокупность элементов, а определённый баланс их интересов [21].

Поэтому, как отметил Г. Кёнигсбергер, практически все государства раннего Нового времени по своему устройству являлись композитными [22, с. 202–204]. Такая особенность государственности той эпохи приводила к известному плюрализму в политической жизни, в том числе – в осуществлении внешней политики. На протяжении ещё нескольких столетий последняя велась не между государствами, а между индивидами, связанными определёнными отношениями и институциональными рамками. Поэтому для представителей «новой дипломатической истории» государства Нового времени не являлись целостными субъектами международных отношений; фактически признаётся, что их политика и конструирование их образа вовне были обусловлены деятельностью множества акторов.

В сфере истории дипломатии отказ от государство-центричного подхода выразился, с одной стороны, в отмеченном выше переносе внимания на индивидуальных акторов – участников дипломатических отношений, а с другой – в постулировании в целом многоакторного характера последних. Тем самым признаётся, что дипломатия Нового времени являлась процессом, протекавшим на множестве уровней. Представители новой школы отказываются воспринимать её как линейную серию событий и мероприятий, легко описываемых нарративными средствами. Отсюда интерес не к тому, что и когда произошло, а к тому, как именно это происходило.

В частности, приверженцы «новой дипломатической истории» существенно расширили объект исследования, включив в поле своего интереса так называемые неофициальные уровни дипломатического взаимодействия. Речь идёт о лицах, связанных со двором (курией, республиканским правительством), однако не обладающих ни политической властью, ни формально определёнными полномочиями в области межгосударственной коммуникации. Несмотря на это, роль художников, музыкантов, врачей, учёных, а также женщин (не занимавшихся профессиональной деятельностью) в осуществлении дипломатических отношений была достаточно серьёзной. В XVI–XVIII вв. такие женские роли, как фаворитки правителей, куртизанки, придворные дамы имели большое значение как в неформальном влиянии на принятие политически значимых решений, так и в сборе информации, что признавалось главной задачей дипломатов.

Автор ещё одной знаковой работы в области истории дипломатии Нового времени, Изабелла Ладзарини, выделяет две роли женщин в дипломатии эпохи Возрождения. Помимо непосредственной активности правительниц это создание и поддержание обширных семейных сетей, иногда объединявших десятки влиятельных женщин, приходившихся одна другой родственни-

цами по крови или свойству. Такие сети соединяли в себе признаки семейных и политических кланов и, соответственно, оказывали влияние как на семейные, так на политические дела. Иной раз влиятельные и знатные женщины не только обменивались информацией, недоступной окружающим их мужчинам, но и решали «через альков» те вопросы, которые нельзя было решить официальным путём [11, с. 140].

Такова была семейная коммуникационная сеть, существовавшая в 1430–1440-х гг. вокруг Баттисты да Монтефельтро и её многочисленных родственниц в Урбино, Пезаро, Камерино и Мантуе. Именно Баттиста после изгнания своего мужа из Пезаро обратилась в 1433 г. за помощью к императору Сигизмунду, а в 1442 г. добилась у неаполитанского короля Альфонсо военной поддержки для восстановления власти своего зятя над княжеством Камерино. Тесные отношения между знатными родственницами, поддерживаемые прежде всего интенсивной перепиской, играли немаловажное значение в разрешении трудных политических ситуаций. Эти женщины оказывали прямое, и нередко весьма сильное, влияние на своих мужей, сыновей и братьев. В отсутствие мужей именно они правили их княжествами [11, с. 141–143].

Характерное для «новой дипломатической истории» многоакторное понимание дипломатической деятельности приводит к тому, что внешняя политика оказывается достаточно аморфным явлением, лишённым строгих институциональных маркеров. Таким образом, как подчёркивает Д. Фриго, выражение «внешняя политика» следует использовать для обозначения «множества политических, дипломатических и военных контактов между отдельными властными центрами» [23, с. 9]. Например, как показал в своём исследовании П. Маргароли, сеть дипломатических контактов миланских герцогов из династии Сфорца в середине XV в. органично существовала в условиях переплетающихся индивидуальных и корпоративных (дворцовые фракции, аристократические союзы, коммерческие компании) интересов [24].

Главное значение среди множества властных центров в большинстве государств Апеннинского полуострова или Западной Европы имел двор. По заключению Люсьена Бели, международное сообщество XVII – начала XVIII в. в основном оставалось «сообществом князей», в котором внешние отношения зависели в первую очередь от династических соображений, а дворцовый протокол имел значение универсального культурного «кода» [25]. Князь являлся центральной фигурой в политической и дипломатической жизни, а двор выступал главной сценой для деятельности дипломата Нового времени. Именно поэтому придворные качества нередко имели большее значение, нежели способности к ведению переговоров. При этом дворцовый характер политической культуры находил выражение в особом «языке дружбы» (*amicitia*), который использовался в дипломатических отношениях и соглашениях [26, с. 77–99; 27, с. 125–146].

В более широком смысле историки дипломатии совершили поворот, сместив фокус своего внимания с государства и административно-политических институтов на двор и династические связи. В этом контексте по-новому воспринимается классическая проблема профессионализации дипломатической службы, рассматриваемая в исследовании А. Кришера в контексте овладения церемониальным знанием [28, с. 197–239].

Взросший интерес к изучению ритуальных практик и, шире, символического языка дипломатии, безусловно, объясняется влиянием антропологии и культурологии. При этом историки дипломатии осознают всю специфику своего предмета, избегая соблазнов делать смелые экстраполяции выводов, уже апробированных на этнографическом или средневековом материале. Так, Э. Катлер доказал неприменимость модели реципрокации Марселя Мосса в отношении Византии и средневековых исламских обществ [29]. Несмотря на это, изучение роли даров в дипломатии, включая дарение предметов искусства в ренессансной и барочной Европе, уже имеет ряд блестящих исследований и обладает большим потенциалом в будущем [30, с. 1].

В условиях придворного характера дипломатической культуры XVII–XVIII вв. искусство являлось одним из важнейших инструментов самоопределения и самоидентификации. Как писал Тоби Осборн, предпринявший в своей книге «синтез истории коллекционирования с дипломатической историей», «коллекционирование (предметов искусства. – Д. М.) и патронаж создавали тончённое и приятное окружение, в котором придворные и дипломаты использовали существовавший вне национальных и даже конфессиональных границ язык» [31, с. 2].

По своей природе дипломатическая культура эпохи Нового времени являлась семиотической и символической, что сближает её с различными художественными практиками. Дипломатия и литература имели общие истоки в гуманистической культуре Ренессанса, а литературные компетенции и навыки были необходимы в работе дипломатов. Так, театральное искусство с его глубоким символизмом в XVII–XVIII вв. активно включалось в «язык» дипломатии, представляя послы и послания, не всегда выражаемые иными средствами. Наконец, материальные предметы изобразительных видов искусства помимо их церемониального значения нередко играли роль средств символического обмена, имевшего также определённое экономическое значение [32, с. 101–152; 33, с. 14–44; 34].

В целом, роль искусства в достижении политических целей, его использование в работе дипломата в последнее время является одной из популярных тем. Т. Хэмптон даже выделил отдельную область исследования, названную им «дипломатической поэтикой», связанную с рефлексией по поводу связи между способами восприятия литературных текстов и переговорным процессом [33, с. 2].

Изучение ритуалов и церемоний также заняло прочное место в работах по истории дипломатии Нового времени. Методологической основой для них является отрицание дихотомии придворного ритуала и воображаемой «подлинной субстанции» переговоров. Современные авторы, напротив, подчёркивают символическую природу дипломатических действий, которые разворачивались при дворах. Публичное появление при дворе или в курии нового посла с различными элементами церемонии, соответствующими статусу представителя; публичная аудиенция; подписание формальных соглашений; обмен подарками – все эти символические знаки составляли сущностное содержание дипломатического процесса, не менее важное, чем сбор информации или переговоры.

На протяжении XVI–XVII вв. эти элементы постепенно формализуются, выстраиваясь в стройную конвенциональную систему, постепенно распространяющуюся на большинство европейских дворов. В книге британской исследовательницы Кристин Флетчер показано, как ритуальный мир римской курии ассимилировал институт резидентных представителей иностранных государств. Автор продемонстрировала, как на протяжении конца XV – первой трети XVI в. участие послов в церемониале курии постепенно расширялось, что в первую очередь было связано с формализацией посольской деятельности [35, с. 59–80].

Окончательно оформился особый язык дипломатии в XVIII в. К этому времени дворцово-дипломатическая культура Европы достигла высокой степени гомогенности, основанной преимущественно на французских образцах [36, с. 72–79].

В отличие от классических трудов по истории дипломатии XIX – первой половины XX в., в более современных работах гораздо меньше внимание уделяется различным рубежным событиям, договорам и войнам, а также «высокой политике» в целом. Вместо прежних доминирующих тем представители «новой дипломатической истории» фокусируют внимание на индивидуальном акторе и на культуре как поле активности. Предметом исследований становится как материальный, так и ментальный миры дипломатов, их корреспондентов и прочих связанных с ними лиц, что позволяет дать более полную и точную картину дипломатии в эпоху её становления. Можно согласиться с выводом: происходит «инкорпорация аспектов социальной и культурной истории» в историю дипломатии [37, с. 21].

Ещё одной особенностью нового подхода к дипломатической истории стала тенденция к пересмотру понятия «дипломат». Этому способствует, прежде всего, запутанность дипломатической терминологии в эпоху перехода от Средних веков к Новому времени (*nuncii, procuratores, legati, oratores, ambasciatori*), фактическая «невозможность фиксации категорий (дипломатов)» [23, с. 8]. Видимо, разумнее признать, что отмеченная выше многоакторность дипломатической практики не позволяет дать конвенциональное определение основному понятию («дипломат»). Однако слова французского исследователя Даниэля Рише достаточно точно маркируют направление пересмотра, нацеленного на расширение его содержания, которое должно «включать не только формально-аккредитованных представителей правительств, но также лиц из числа офицеров, чиновников, клириков, купцов и учёных, вовлечённых в создание

отношений и служение время от времени для их поддержания, а также в придание им их особенного аромата» [38, с. 2].

Результатом очевидной тенденции к расширительному пониманию дипломата, опять же, является множество новых тем, среди которых – изучение персонала посольств, начиная от секретарей и заканчивая переводчиками, которые не всегда являлись официальными членами миссий. Также в новейших исследованиях преодолевается ключевой водораздел для «классической» дипломатической истории – разграничение дипломатов и консулов [2, с. 5].

Таким образом, отметим, что раскрытие мира дипломатии Нового времени с позиций коллективных или индивидуальных ментальных установок, ритуальных действий или культурного обмена, безусловно, предполагает совершенно новый язык исследования, отличающийся от принятого в «классическом» направлении. При этом перенос исследовательского интереса на новые объекты и внимание к новым темам неизбежно сказались и на работе с источниками. Речь идёт не только об обычной для каждого поколения историков попытке нового прочтения устоявшегося корпуса источников, но и о продолжающемся поиске новых. В «новой дипломатической истории» наблюдается особое внимание исследователей к персональным бумагам и личной корреспонденции лиц, вовлечённых в дипломатическую активность. Так, с позиций «новой дипломатической истории», и во многом основываясь на подобных источниках, написана работа Джереми Блэка, посвящённая миру британских дипломатов XVIII в. [39, с. 177–198].

В результате работы с указанным кругом источников дипломатический мир предстаёт сложной сущностью, образованной множеством взаимно переплетающихся уровней активности и множеством акторов с различными, иногда конкурирующими мотивациями и лояльностями. Мэри Линдеман неслучайно сравнила дипломатию раннего Нового времени с «гобеленом, сотканным из волокон разных цветов, толщины, типов и прочности» [40, с. 78]. Опираясь на новые источники, «новая дипломатическая история» выявляет ранее незаметные детали, делающие картину дипломатии в тот или иной период более насыщенной, многогранной и полной. Тем самым раскрывается потенциал истории дипломатии для научения нас более широкому кругу уроков.

Заключение. Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что расширение поля исторического поиска и понимание дипломатии как культурно обусловленной активности благоприятно отразились на результатах. Существенно обновив тематический ряд и исследовательскую методологию, «новая дипломатическая история» вызвала взрывообразный рост новых интересных книг и статей. При этом сами её представители признают, что «“новая дипломатическая история” всё ещё в значительной мере находится в стадии развития» [38, с. 6]. Вероятно, впереди новые открытия и находки. Привлечение новых материалов, расширение географического и тематического горизонта позволяют надеяться на дальнейшее углубление знаний об истории дипломатии на рубеже Средневековья и Нового времени. Достижения и наработки «новой дипломатической истории» могут оказаться полезными для отечественных историков при разработке соответствующей проблематики.

Список использованных источников

1. Курилла, И. И. Изучение истории международных отношений в социокультурном контексте / И. И. Курилла // Новая и новейшая история. – 2012. – № 6. – С. 65–74.
2. Watkins, J. Toward a new diplomatic history of medieval and early modern Europe / J. Watkins // J. of Medieval and Early Modern Studies. – 2008. – Vol. 38, № 1. – P. 1–14. <https://doi.org/10.1215/10829636-2007-016>
3. Akteure der Außenbeziehungen: Netzwerke und Interkulturalität im historischen Wandel / H. von Thiesen, Ch. Windler. – Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau-Verlag, 2010. – 554 S. <https://doi.org/10.7788/boehlau.9783412212698>
4. Sowerby, T. A. Early modern diplomatic history / T. A. Sowerby // History Compass. – 2016. – Vol. 14, № 9. – P. 441–456. <https://doi.org/10.1111/hic3.12329>
5. Нефёдов, В. В. Проблемы новой и новейшей истории в современной белорусской историографии / В. В. Нефёдов, В. А. Острога // Новая и новейшая история. – 2017. – № 5. – С. 166–178.
6. Мазарчук, Д. В. Современные подходы к дипломатической истории раннего Нового времени / Д. В. Мазарчук // Беларусь у кантэксце еўрапейскай гісторыі: асоба, грамадства, дзяржава : зб. навук. арт., прысвеч. 80-годдзю Гродзен. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы і 65-годдзю гіст. адукацыі ў Гродзен. дзярж. ун-це імя Янкі Купалы : у 2 ч. / пад рэд. А. А. Кавалені, І. Ф. Кітурка. – Гродно, 2019. – Ч. 1. – С. 34–37.
7. Mattingly, G. Renaissance diplomacy / G. Mattingly. – New York : Dover Publ., 1988. – 284 p.

8. Maulde La Clavière, R. A. M. de. *Histoire de Louis XII* : [in 3 vol.] / R. A. M. de Maulde La Clavière. – Paris : Ernest Leroux, 1891–1893.
9. Anderson, M. S. *The rise of modern diplomacy, 1450–1919* / M. S. Anderson. – London ; New York : Longman, 1993. – 320 p.
10. Beverley, T. *Venetian ambassadors 1454–94: an Italian elite* : Ph.D. Thesis / T. Beverley. – Warwick, 1999. – IX, 466 p.
11. Lazzarini, I. *Communication and conflict: Italian diplomacy in the early Renaissance, 1350–1520* / I. Lazzarini. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2015. – 326 p. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198727415.001.0001>
12. Ilardi, V. *The first permanent embassy outside Italy: the Milanese embassy at the French court, 1464–1483* / V. Ilardi // *Politics, religion, & diplomacy in early modern Europe* : essays in honor of De Lamar Jensen / ed.: M. R. Thorp, A. J. Slavin. – Kirksville, 1994. – P. 1–18.
13. Fubini, R. *La “résidentialité” de l’ambassadeur dans le mythe et dans la réalité: une enquête sur les origines* / R. Fubini // *L’invention de la diplomatie: Moyen Age-temps modernes* / ed. L. Bély. – Paris, 1998. – P. 28–35.
14. Weiler, B. *The *Negotium Terrae Sanctae* and the political discourse of Latin Christendom, 1215–1311* / B. Weiler // *The Intern. History Rev.* – 2003. – Vol. 25, № 1. – P. 1–36. <https://doi.org/10.1080/07075332.2003.9640988>
15. Frigo, D. *«Small states” and diplomacy: Mantua and Modena* / D. Frigo // *Politics and diplomacy in early modern Italy: the structure of diplomatic practice, 1450–1800* / ed. D. Frigo. – Cambridge, 2000. – P. 147–175. <https://doi.org/10.1017/cbo9780511523298.006>
16. Fubini, R. *Diplomacy and government in the Italian city states of the fifteenth century (Florence and Venice)* / R. Fubini // *Politics and diplomacy in early modern Italy: the structure of diplomatic practice, 1450–1800* / ed. D. Frigo. – Cambridge, 2000. – P. 25–48. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511523298.002>
17. Тешке, Б. Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений / Б. Тешке ; пер. с англ. Д. Кралечкина. – М. : Изд. дом Гос. ун-та - Высш. шк. экономики, 2011. – 414 с.
18. Sharp, P. *Diplomatic theory of international relations* / P. Sharp. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2009. – 358 p. – (Cambridge studies in international relations ; 111). <https://doi.org/10.1017/cbo9780511805196>
19. Kugeler, H. R. I. *«Le parfait Ambassadeur». The theory and practice of diplomacy in the century following the Peace of Westphalia* : Ph. D. Thesis / H. R. I. Kugeler. – Oxford, 2006. – 328 p.
20. Малахов, В. С. *Государство в условиях глобализации* : учеб.-метод. комплекс / В. С. Малахов. – М. : Университет, 2007. – 252 с.
21. Хеншелл, Н. Миф абсолютизма: Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени / П. Хеншелл ; пер. [с англ.]: А. А. Паламарчук [и др.]. – СПб. : Алетейя, 2003. – 272 с.
22. Koenigsberger, H. G. *Monarchies and parliaments in early modern Europe: dominium regale or dominium politicum et regale* / H. G. Koenigsberger // *Theory a. Soc.* – 1978. – Vol. 5, № 2. – P. 191–217. <https://doi.org/10.1007/bf01702161>
23. Frigo, D. *Introduction* / D. Frigo // *Politics and diplomacy in early modern Italy: the structure of diplomatic practice, 1450–1800* / ed. D. Frigo. – Cambridge, 2000. – P. 1–24. <https://doi.org/10.1017/cbo9780511523298.001>
24. Margaroli, P. *Diplomazia e stati rinascimentali: Le ambascerie sforzesche fino alla conclusione della Lega italica (1450–1455)* / P. Margaroli. – Firenze : La nuova Italia, 1992. – 361 p.
25. Bély, L. *La société des princes, XVIe–XVIIIe siècles* / L. Bély. – Paris : Fayard, 1999. – 651 p.
26. Lesaffer, R. *Amicitia in Renaissance peace and alliance treaties (1450–1530)* / R. Lesaffer // *J. of the History of Intern. Law.* – 2002. – Vol. 4, № 1. – P. 77–99. <https://doi.org/10.1163/15718050220957143>
27. Roshchin, E. *Supplanting love, accepting friendship: a history of Russian diplomatic concepts* / E. Roshchin // *Redescriptions: Polit. Thought, Conceptual History a. Feminist Theory.* – 2009. – Vol. 13, № 1. – P. 125–146. <https://doi.org/10.7227/r.13.1.7>
28. Krischer, A. *Syndici als Diplomaten in der Frühen Neuzeit. Repräsentation, politischer Zeichengebrauch und Professionalisierung in der reichsstädtischen Außenpolitik* / A. Krischer // *Spezialisierung und Professionalisierung: Träger und Foren städtischer Außenpolitik während des späten Mittelalters und der frühen Neuzeit* / Hrsg.: von C. Jörg, M. Jucker. – Wiesbaden, 2010. – S. 254–286. <https://doi.org/10.29091/9783954908844>
29. Cutler, A. *Significant gifts: Patterns of exchange in late antique, Byzantine, and early Islamic diplomacy* / A. Cutler // *J. of Medieval a. Early Modern Studies.* – 2008. – Vol. 38, № 1. – P. 79–101. <https://doi.org/10.1215/10829636-2007-020>
30. Hennings, J. *Introduction: Practices of diplomacy* / J. Hennings, T. A. Sowerby // *Practices of diplomacy in the early modern world, c. 1410–1800* / ed.: T. A. Sowerby, J. Hennings. – London ; New York, 2017. – P. 1–21. <https://doi.org/10.4324/9781315186375>
31. Osborne, T. *Dynasty and diplomacy in the court of Savoy: political culture and the Thirty Years’ War* / T. Osborne. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2002. – 304 p.
32. Biow, D. *Doctors, ambassadors, secretaries: humanism and profession in Renaissance Italy* / D. Biow. – Chicago : Univ. of Chicago Press, 2002. – 224 p.
33. Hampton, T. *Fictions of embassy: literature and diplomacy in early modern Europe* / T. Hampton. – Ithaca : Cornell Univ. Press, 2009. – 236 p.
34. Welch, E. R. *A theater of diplomacy: international relations and the performing arts in early modern France* / E. R. Welch. – Philadelphia : Univ. of Pennsylvania Press, 2017. – 302 p. <https://doi.org/10.9783/9780812293869>
35. Fletcher, C. *Diplomacy in renaissance Rome: the rise of the resident ambassador* / C. Fletcher. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2015. – 202 p. <https://doi.org/10.1017/cbo9781316256541>
36. Scott, H. *Diplomatic culture in old regime Europe* / H. Scott // *Cultures of power in Europe during the long eighteenth century* / ed.: H. Scott, B. Simms. – Cambridge, 2007. – P. 58–85. <https://doi.org/10.1017/cbo9780511496899.005>

37. Gehring, D. S. Introduction / D. S. Gehring // Diplomatic intelligence on the Holy Roman Empire and Denmark during the reigns of Elizabeth I and James VI : three treatises / ed. D. S. Gehring. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2016. – P. 1–50.
38. Riches, D. Protestant cosmopolitanism and diplomatic culture: Brandenburg-Swedish relations in the seventeenth century / D. Riches. – Leiden : Brill, 2013. – 332 p. – (Northern world ; vol. 59). <https://doi.org/10.1163/9789004240803>
39. Black, J. British diplomats and diplomacy, 1688–1800 / J. Black. – Exeter : Univ. of Exeter Press, 2001. – 244 p.
40. Lindemann, M. Liaisons dangereuses: sex, law, and diplomacy in the age of Frederick the Great / M. Lindemann. – Baltimore : Johns Hopkins Univ. Press, 2006. – 353 p. <https://doi.org/10.1353/book.3258>

References

1. Kurilla I. I. Studying the history of international relations in a socio-cultural context. *Novaya i noveishaya istoriya = Modern and Contemporary History*, 2012, no. 6, pp. 65–74 (in Russian).
2. Watkins J. Toward a new diplomatic history of medieval and early modern Europe. *Journal of Medieval and Early Modern Studies*, 2008, vol. 38, no. 1, pp. 1–14. <https://doi.org/10.1215/10829636-2007-016>
3. Thiessen H. von, Windler Ch. *Akteure der Außenbeziehungen: Netzwerke und Interkulturalität im historischen Wandel*. Köln, Weimar, Wien, Böhlau-Verlag, 2010. 554 S. <https://doi.org/10.7788/boehlau.9783412212698>
4. Sowerby T. A. Early modern diplomatic history. *History Compass*, 2016, vol. 14, no. 9, pp. 441–456. <https://doi.org/10.1111/hic3.12329>
5. Nefedov V. V., Ostroga V. A. Problems of modern and contemporary history in contemporary Belarusian historiography. *Novaya i noveishaya istoriya = Modern and Contemporary History*, 2017, no. 5, pp. 166–178 (in Russian).
6. Mazarchuk D. V. Modern approaches to the diplomatic history of early modern times. *Belarus' u kankstse eurapeiskai gistoryi: asoba, gramadstva, dzjarzhava: zbornik navukovykh artykulau, prysvechany 80-goddzyu Grodzenskaga dzjarzhaunaga universiteta im. Yanki Kupaly i 65-goddzyu gistarychnai adukatsyi u Grodzenskim dzjarzhaunym universitete im. Yanki Kupaly* [Belarus in the context of European history: personality, society, state: a collection of scientific articles dedicated to the 80th anniversary of the Yanka Kupala State University of Grodno and the 65th anniversary of historical education at the Yanka Kupala State University of Grodno]. Grodno, 2019, pt. 1, pp. 34–37 (in Russian).
7. Mattingly G. *Renaissance diplomacy*. New York, Dover Publ., 1988. 284 p.
8. Maulde La Clavière R. A. M. de. *Histoire de Louis XII*. Paris, Ernest Leroux, 1891–1893.
9. Anderson M. S. *The rise of modern diplomacy, 1450–1919*. London, New York, Longman, 1993. 320 p.
10. Beverley T. *Venetian ambassadors 1454-94: an Italian elite*. Ph. D. Thesis. Warwick, 1999. IX, 466 p.
11. Lazzarini I. *Communication and conflict: Italian diplomacy in the early Renaissance, 1350–1520*. Oxford, Oxford University Press, 2015. 326 p. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198727415.001.0001>
12. Ilardi V. The first permanent embassy outside Italy: The Milanese embassy at the French court, 1464–1483. *Politics, religion, & diplomacy in early modern Europe : essays in honor of De Lamar Jensen*. Kirksville, 1994, pp. 1–18.
13. Fubini R. La “résidentialité” de l’ambassadeur dans le mythe et dans la réalité: Une enquête sur les origines. *L’invention de la diplomatie: Moyen Age-temps modernes*. Paris, 1998, pp. 28–35.
14. Weiler B. The *Negotium Terrae Sanctae* and the political discourse of Latin Christendom, 1215–1311. *The International History Review*, 2003, vol. 25, no. 1, pp. 1–36. <https://doi.org/10.1080/07075332.2003.9640988>
15. Frigo D. “Small states” and diplomacy: Mantua and Modena. *Politics and diplomacy in early modern Italy: the structure of diplomatic practice, 1450–1800*. Cambridge, 2000, pp. 147–175. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511523298.006>
16. Fubini R. Diplomacy and government in the Italian city states of the fifteenth century (Florence and Venice). *Politics and diplomacy in early modern Italy: the structure of diplomatic practice, 1450–1800*. Cambridge, 2000, pp. 25–48. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511523298.002>
17. Teschke B. *The myth of 1648: class, geopolitics, and the making of modern international relations*. London, Verso, 2011. 308 p.
18. Sharp P. *Diplomatic theory of international relations*. Cambridge, Cambridge University Press, 2009. 358 p. <https://doi.org/10.1017/cbo9780511805196>
19. Kugeler H. R. I. “Le parfait ambassadeur”. *The Theory and Practice of Diplomacy in the Century Following the Peace of Westphalia*. Ph.D. Thesis. Oxford, 2006. 328 p.
20. Malakhov V. S. *State in the context of globalization*. Moscow, Universitet Publ., 2007. 252 p. (in Russian).
21. Henshall N. *The myth of absolutism: change and continuity in early modern*. London, New York, Longman, 1992. 245 p.
22. Koenigsberger H. G. Monarchies and parliaments in early modern Europe: dominium regale or dominium politicum et regale. *Theory and Society*, 1978, vol. 5, no. 2, pp. 191–217. <https://doi.org/10.1007/bf01702161>
23. Frigo D. Introduction. *Politics and diplomacy in early modern Italy: the structure of diplomatic practice, 1450–1800*. Cambridge, 2000, pp. 1–24. <https://doi.org/10.1017/cbo9780511523298.001>
24. Margaroli P. *Diplomazia e stati rinascimentali. Le ambascerie sforzesche fino alla conclusione della Lega italiana (1450–1455)*. Firenze, La nuova Italia, 1992. 361 p. (in Italian).
25. Bély L. *La société des princes, XVIIe–XVIIIe siècles*. Paris, Fayard, 1999. 651 p. (in French).
26. Lesaffer R. Amicitia in Renaissance peace and alliance treaties (1450–1530). *Journal of the History of International Law*, 2002, vol. 4, no. 1, pp. 77–99. <https://doi.org/10.1163/15718050220957143>
27. Roshchin E. Supplanting Love, Accepting Friendship: A History of Russian Diplomatic Concepts. *Redescriptions: Political Thought, Conceptual History and Feminist Theory*, 2009, vol. 13, no. 1, pp. 125–146. <https://doi.org/10.7227/r.13.1.7>

28. Krischer A. Syndici als Diplomaten in der Frühen Neuzeit. Repräsentation, politischer Zeichengebrauch und Professionalisierung in der reichsstädtischen Außenpolitik. *Spezialisierung und Professionalisierung: Träger und Foren städtischer Außenpolitik während des späten Mittelalters und der frühen Neuzeit*. Wiesbaden, 2010, pp. 254–286 (in German). <https://doi.org/10.29091/9783954908844>

29. Cutler A. Significant gifts: Patterns of exchange in late antique, Byzantine, and early Islamic diplomacy. *Journal of Medieval and Early Modern Studies*, 2008, vol. 38, no. 1, pp. 79–101. <https://doi.org/10.1215/10829636-2007-020>

30. Hennings J., Sowerby T. A. Introduction: Practices of diplomacy. *Practices of diplomacy in the early modern world, c. 1410–1800*. London, New York, 2017, pp. 1–21. <https://doi.org/10.4324/9781315186375>

31. Osborne T. *Dynasty and diplomacy in the court of Savoy: political culture and the Thirty Years' War*. Cambridge, Cambridge University Press, 2002. 304 p.

32. Biow D. *Doctors, ambassadors, secretaries: humanism and profession in Renaissance Italy*. Chicago, University of Chicago Press, 2002. 224 p.

33. Hampton T. *Fictions of embassy: literature and diplomacy in early modern Europe*. Ithaca, Cornell University Press, 2009. 236 p.

34. Welch E. R. *A theater of diplomacy: international relations and the performing arts in early modern France*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 2017. 302 p. <https://doi.org/10.9783/9780812293869>

35. Fletcher C. *Diplomacy in renaissance Rome: the rise of the resident ambassador*. Cambridge, Cambridge University Press, 2015. 202 p. <https://doi.org/10.1017/cbo9781316256541>

36. Scott H. Diplomatic culture in old regime Europe. *Cultures of power in Europe during the long eighteenth century*. Cambridge, 2007, pp. 58–85. <https://doi.org/10.1017/cbo9780511496899.005>

37. Gehring D. S. Introduction. *Diplomatic intelligence on the Holy Roman Empire and Denmark during the reigns of Elizabeth I and James VI : three treatises*. Cambridge, 2016, pp. 1–50.

38. Riches D. *Protestant cosmopolitanism and diplomatic culture: Brandenburg-Swedish relations in the seventeenth century*. Leiden, Brill, 2013. 332 p. <https://doi.org/10.1163/9789004240803>

39. Black J. *British diplomats and diplomacy, 1688–1800*. Exeter, University of Exeter Press, 2001. 244 p.

40. Lindemann M. *Liaisons dangereuses: sex, law, and diplomacy in the age of Frederick the Great*. Baltimore, Johns Hopkins University Press, 2006. 353 p. <https://doi.org/10.1353/book.3258>

Информация об авторе

Мазарчук Дмитрий Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент. Институт подготовки научных кадров, Национальная академия наук Беларуси (пер. Калинина, 10, 220049, Минск, Республика Беларусь). E-mail: bande_nere@mail.ru

Information about the author

Dmitry V. Mazarchuk – Ph. D. (Hist.), Associate Professor. Graduate School of the National Academy of Sciences of Belarus (10 Kalinin Square, Minsk 220049, Belarus). E-mail: bande_nere@mail.ru